

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-5-126-132

Дата принятия рукописи в печать: 02.06.2026 г.

ПАТЮЛИН Георгий Сергеевич,

младший научный сотрудник

сектора конституционного права и конституционной юстиции

Института государства и права Российской академии наук,

e-mail: g.patulin@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ: ЕДИНСТВО, ПРЕДЕЛЫ И МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье исследуется диалектическое единство государственного суверенитета и конституционных прав человека в современном государствоведении. Автор обосновывает положение о том, что государственный суверенитет и конституционные права не находятся в противоречии, а образуют органическую систему, в которой права человека выступают внутренним содержанием и формой реализации суверенитета, а суверенитет – необходимым условием реального обеспечения и защиты этих прав.

На основе анализа классических политико-правовых учений и современных подходов раскрывается эволюция представлений о пределах суверенитета, его функциональной обусловленности задачами государства и его связи с народным суверенитетом. Показана роль конституционных прав как механизма легитимации государственной власти, формирования доверия граждан к государству и обеспечения устойчивости суверенной государственности. Особое внимание уделяется государствоведческому измерению проблемы: конституционные права рассматриваются как нормативно закрепленные условия жизнедеятельности личности, определяющие пределы и содержание публичной власти, а также как фактор внутренней консолидации общества и воспроизводства суверенитета.

Ключевые слова: государственный суверенитет, конституционные права человека, народный суверенитет, государствоведение, пределы суверенитета, самоограничение, легитимность государственной власти, доверие граждан к государству, традиционные ценности, идентичность.

PATIULIN Georgii Sergeevich,

Junior Research Fellow at the

Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

STATE SOVEREIGNTY AND CONSTITUTIONAL RIGHTS IN MODERN STATE STUDIES: UNITY, LIMITS AND MECHANISMS OF INTERACTION

Annotation. The article explores the dialectical unity of state sovereignty and constitutional human rights in modern state studies. The author substantiates the proposition that state sovereignty and constitutional rights are not in conflict, but form an organic system in which human rights constitute the internal content and form of realization of sovereignty, while sovereignty serves as a necessary condition for the real ensuring and protection of these rights.

Drawing on the analysis of classical political and legal doctrines and contemporary approaches, the article reveals the evolution of ideas concerning the limits of sovereignty, its functional conditioning by the tasks of the state, and its connection with popular sovereignty. The role of constitutional rights is demonstrated as a mechanism for legitimizing state power, fostering citizens' trust in the state, and ensuring the stability of sovereign statehood. Particular attention is paid to the state-studies dimension of the problem: constitutional rights are viewed as normatively enshrined conditions of human life and activity that define the limits and content of public power, as well as a factor of internal societal consolidation and the reproduction of sovereignty.

Key words: *state sovereignty, constitutional human rights, popular sovereignty, state studies, limits of sovereignty, self-restraint of sovereignty, legitimacy of state power, citizens' trust in the state, traditional values, constitutional identity.*

Суверенитет является одним из ключевых конституционных принципов Российской Федерации. В процессе развития российской государственности в современных условиях актуализируется необходимость детального исследования содержания государственного суверенитета, продолжающего сохранять свою значимость как в контексте международных отношений, так и в функционировании мирового сообщества. В современном контексте суверенитет государства вытекает из гуманистических соображений и подвергается его корректировке. Государство теперь рассматривается не как самоценность, а как инструмент, реализующий публичные функции, необходимые для обеспечения безопасности и благосостояния своих граждан. Если государство не выполняет свои обязательства перед гражданами, находящимися под его юрисдикцией, его суверенитет может быть поставлен под сомнение. Это лежит в основе формирования многоуровневой системы управления, основанной на принципах солидарности и взаимной ответственности в международном сообществе [2, р. 398-399]. Концепция абсолютного суверенитета оказывается несовместимой с необходимостью универсального правового регулирования и международного контроля, которые служат для защиты глобальных интересов и обеспечения правопорядка. Абсолютизация суверенитета предоставляет теоретическое оправдание сторонникам концепции «гуманитарной интервенции», которая предполагает использование вооруженной силы одним или несколькими государствами с целью предотвращения массовых и грубых нарушений прав человека. Хотя данная теория часто используется для обоснования интервенций под предлогом защиты прав граждан, на практике она нередко приводит к агрессивным действиям и незаконным вторжениям на территории суверенных государств. Действия, оправдываемые гуманитарными мотивами, становятся противоправными, если они осуществляются без санкции Совета Безопасности ООН. Совет Безопасности представляет собой важный универсальный правовой механизм, призванный регулировать международные действия и предотвратить нарушение суверенитета государств. Без одобрения Совета Безопасности такие интервенции считаются нарушением международного права и суверенитета государств, поскольку они ставят под угрозу основополагающие принципы международного порядка и правопорядка [11, с. 297-298].

Следует отметить, что в современной западной науке понятие суверенитета все реже используется для обоснования правопорядка [3; 4; 5]. Вряд ли можно согласиться с таким к нему подходом, ведь право и государство дихотомически связаны друг с другом, а суверенность, суверенитет государства является сущностным его атрибутом. Именно суверенитет позволяет государству устанавливать и поддерживать правопорядок.

Противопоставление между государственным суверенитетом и конституционными правами человека – явление частое, но отнюдь не неизбежное. Государственный суверенитет, определенный как право государства на самоопределение и управление своими внутренними делами без внешнего вмешательства, поддержание своей самоидентичности является одним из основополагающих принципов современного права. В то же время, права человека, его конституционные права, представляют собой неотъемлемые свободы и права, которые должны быть гарантированы каждому человеку независимо от его местоположения или гражданства.

Существует несколько подходов к определению конституционных прав, каждый из которых подчеркивает различные аспекты этой концепции. Философский основывается на философских принципах и идеях о сущности человека. Конституционные права рассматриваются как неотъемлемые и неотчуждаемые атрибуты человеческого бытия, которые присущи каждому человеку по простой причине его существования. Согласно правовому подходу, конституционные права человека определяются и защищаются через законодательные нормы и международные договоры. Социологический подход, в котором конституционные права рассматриваются с точки зрения социальных отношений и условий как необходимые для обеспечения справедливости, равенства и человеческого достоинства в обществе правила и модели социальных взаимодействий.

Эти подходы не противоречат, но дополняют друг друга – вместе они помогают лучше понять и определить суть конституционных прав человека и их значение в современном обществе, раскрывают их комплексную природу как нормативно закрепленных условий жизнедеятельности личности. Вместе с тем в рамках современного государствоведения данные права целесообразно анализировать не изолированно, а в их системной связи с природой государства и харак-

теристиками его суверенитета. В государствоведческом смысле государство представляет собой сложную социально-политико-правовую систему, включающую институциональный, нормативный и ценностный уровни. В этой системе конституционные права человека выступают не только как юридически закрепленные возможности, но и как элемент, обеспечивающий внутреннюю устойчивость государственной организации общества. Поэтому представляется верным определение, согласно которому они являют собой нормативно сформулированные условия жизни и деятельности людей, которые, чтобы быть обеспеченными, гарантированными, реализуемыми и защищенными требуют юридической позитивации в текстах нормативных актов государств, прежде всего – в конституциях (которые, как правило, определяют и правовую природу суверенитета государства) [6, с. 14; 12, с. 23].

Идея государственного суверенитета во многом определяет восприятие конституционных прав, их объем, содержание и отношение к их реализации. В государствах с различными социально-экономическими системами права человека приобретают специфические черты, отражающие характер самой государственной организации [14, с. 94]. В то же время нельзя отрицать и обратного – конституционные права определяют правовую природу государственного суверенитета. С позиций государствоведения это означает, что конституционные права выступают не внешним элементом по отношению к государству, а внутренним компонентом его структуры, через который реализуются цели и функции государственной власти. В рамках государствоведческого анализа суверенитет следует рассматривать не только как юридическое свойство государственной власти, но как интегративную характеристику государства, отражающую его способность к самостоятельному нормативному регулированию, внутренней консолидации и воспроизводству общественных отношений.

Обязанность граждан подчиняться государству обусловлена его правом устанавливать общеобязательные нормы поведения посредством осуществления правотворческой функции, в чем проявляется внутренний суверенитет. Однако в государствоведческом измерении данное нормотворчество не может носить произвольный характер: оно должно быть социально обусловленным, экономически обоснованным и юридически легитимным. Только при таком подходе государство сохраняет способность к устойчивому функционированию, поскольку нормативное регулирование в этом случае опирается на признание его обществом. Без учета социальной действительности невозможно создать нормы, обеспечивающие поддержание доверия граждан

к закону и действиям государства, которое является необходимым условием существования сильной суверенной государственности. В государствоведческом аспекте доверие выступает внутренним механизмом воспроизводства суверенитета, обеспечивая добровольное признание государственной власти и снижая необходимость применения принуждения. В этой связи конституционные права человека выполняют не только охранительную функцию, но и функцию формирования доверия, выступая связующим звеном между государством и обществом. И с этой точки зрения нет и не может (не должно!) быть никаких противоречий между внутренним суверенитетом государства и нормативно закрепленными условиями жизни и деятельности людей – конституционными правами. Это косвенно подтверждается и концепцией народного суверенитета.

Как отмечал Дж. Локк, власть государства ограничена необходимостью обеспечения общего блага и защиты собственности [10]. В государствоведческом смысле это означает, что суверенитет изначально не является абсолютным: он функционально обусловлен задачами государства и реализуется в пределах, определяемых правами человека как базовыми условиями общественного существования. Таким образом, права человека формируют как основание, так и пределы публичных властных полномочий, предоставленных государству. Правовая связь между человеком и государством, а также обязанность подчиняться законам, возникают из взаимодействия людей, выражающегося в взаимном признании их естественных и неотчуждаемых прав.

Идея о суверенитете государственной власти, рассматриваемая как независимость и верховенство, первоначально могла бы казаться несовместимой с понятием конституционных прав. Однако даже в рамках абсолютистской теории, представленной Т. Гоббсом, суверенитет ограничен естественным законом и направлен на его соблюдение, то есть на обеспечение мира и безопасности подданных [7]. Ж. Боден также исходил из того, что абсолютная власть подразумевает подчинение законам Бога и природы [1]. Т.е. даже в рамках абсолютистских концепций суверенитет не носит произвольного характера и соотносится с естественными законами и задачами обеспечения общественного порядка. С точки зрения государствоведения это свидетельствует о том, что суверенитет всегда имеет функциональную направленность и связан с обеспечением устойчивости государственной системы.

С философским течением Ж.-Ж. Руссо и его последователей, которые утверждали, что подлинным носителем суверенитета является народ (нация), а государственные органы и пра-

вительство действуют лишь в рамках мандата народа и общественного договора (социального контракта), проблема суверенитета начинает приобретать ярко выраженный национальный характер. Согласно этой концепции, суверенитет становится средством легитимации публичной власти, обеспечивая такое состояние государственной власти, при котором она основана на воле народа и не подчиняется интересам других народов или иностранных правительств [13].

В рамках социального контракта национальное государство, как организатор общественных дел, имеет право действовать независимо от других властей, как внутри страны, так и за ее пределами, при условии, что такие действия одобрены народом. Это понимание суверенитета привело к формированию взгляда, согласно которому народ, как источник власти, является гарантом государственного суверенитета и высшим судьей по вопросам управления своим правительством и государством. В государствоведческом измерении это означает, что источник устойчивости государства переносится в общество, а сама государственная власть рассматривается как производная от коллективной воли граждан.

В Новое время сформировались современные представления о личной свободе, автономии и частной сфере как границах для вмешательства государства. Эти концепции акцентируют внимание на индивидуальных правах и подчеркивают необходимость ограничения публичной власти в интересах защиты личных свобод и автономии. Одним из наиболее привлекательных аспектов традиционного понимания суверенитета, уходящего корнями в Вестфальскую систему, является его способность легитимизировать национальные интересы как приоритетные цели внутренней и внешней политики государства. В этом контексте суверенитет предоставляет государствам возможность формулировать свои внешнеполитические и внутренние цели в соответствии с национальными интересами, без учета внешних влияний.

После заключения Вестфальского мира в Европе в 1648 году, идея суверенитета оказала значительное влияние на развитие современных демократических доктрин, утверждающих учредительную власть народа, его право выбирать и сменять правителей. Эта идея также способствовала формированию концепции прав человека, даже несмотря на то, что практическое осуществление политической власти и социальная структура оставались во многом неизменными по сравнению с предыдущими историческими эпохами.

Таким образом, под влиянием этих политических и юридических идей была выработана модель суверенного национального государства,

которая сочетала в себе демократические и правовые принципы. Эта модель получила широкое признание в современном международном праве и стала основой для формирования современного правового и политического порядка.

Суверенитет национального государства представляет собой необходимое условие для обеспечения верховенства права и, соответственно, утверждения прав человека - конституционных прав - на национальном уровне. Без суверенитета и автономных, ответственных действий государства создание эффективного национального режима защиты конституционных прав становится практически невозможным. Суверенитет подразумевает не только высшую власть внутри ограниченной территории, но и право государства не допускать внешнего вмешательства в свои внутренние дела. Это предполагает, что существование международных стандартов прав человека может рассматриваться, и зачастую рассматривается многими правительствами, как вмешательство во внутренние дела государств [17, с. 78].

Итак, современное понимание народного суверенитета восходит к идеям Ж.-Ж. Руссо, который связал его с концепцией общественного договора, идентифицировал народный суверенитет с осуществлением «общей воли», которая служит фактической основой общественного договора и представляет собой верховную власть в государстве. Народ рассматривался как единое целое, одновременно состоящее из граждан, каждый из которых имеет пропорциональную долю власти, реализуемую через выборы.

Понятие народного суверенитета подразумевает, что источником и носителем власти является народ. Это представление опирается на более общее понимание народа как совокупности граждан. В связи с этим возникает вопрос о соотношении непосредственно народной власти и власти, осуществляемой через органы и должностные лица. Учитывая, что государство является инструментом народовластия и в своей деятельности ограничено правами граждан, следует признать политическую «первичность» непосредственно народной власти. Органы и должностные лица, наделенные полномочиями, формируются и назначаются по результатам выборов, что является проявлением народного суверенитета.

«Материализация» народного суверенитета происходит через конституционное и законодательное закрепление прав и свобод человека и гражданина. В литературе отмечается, что основные права выполняют функцию защиты от государственной власти. Конституционный строй требует таких прав для защиты граждан от возможного злоупотребления властью, поскольку даже в правовом государстве возможно совер-

шение несправедливости. В государствоведческом аспекте это означает, что права человека выступают формой институционализации суверенитета, переводя абстрактную категорию народовластия в конкретные юридические механизмы участия граждан в осуществлении власти.

Б.С. Эбзеев подчеркивает взаимосвязь между различными категориями конституционных прав и свобод человека и народным суверенитетом, указывая на то, что они соотносятся как часть и целое на философском уровне. Эта взаимосвязь отражает сущность народной власти, участие в которой может осуществляться каждым дееспособным гражданином через реализацию соответствующих прав [18, с. 346, 347, 361].

Конституционное и законодательное закрепление прав и свобод играет ключевую роль в реализации народного суверенитета. Личные и гражданские права в большей степени выступают как ограничения государственной власти, тогда как политические права и свободы имеют особое значение. По мнению Б.Н. Топорнина, политические права являются «необходимым средством реализации народного суверенитета» [9, с. 46]. Е.И. Козлова отмечает, что народный суверенитет «реально и практически реализуется через политические права каждого гражданина» [8, с. 203], признавая эти права как естественные, а не просто предоставленные государством. В этом смысле закрепление и осуществление политических прав и свобод служит основным механизмом реализации народного суверенитета и воспроизводства государственной власти как системы. Поэтому в рамках современного государствоведения конституционные права человека не следует рассматривать как ограничение государственного суверенитета. Напротив, они выступают его внутренним содержанием и формой реализации, обеспечивая легитимность государственной власти и ее устойчивость.

Сильное современное суверенное государство при реализации своего суверенитета не может не учитывать конституционных прав граждан, а сами эти права, определяя сферу невмешательства государства в частную жизнь граждан (или наоборот, меру необходимого активного в ней участия) ни в коей мере не ограничивают правотворческую, регулятивную функции государства, в которых воплощается и через которые раскрывается внутренний суверенитет.

Государственный суверенитет следует рассматривать не как самоцель, а как характеристику государства, обеспечивающую его способность эффективно выполнять свои функции и защищать национальные интересы. В некоторых случаях для обеспечения этих интересов может быть целесообразно применять принцип самоограничения суверенитета. Это предполагает, что

государство, осознавая свои внутренние и внешние обязательства, добровольно ограничивает свои полномочия в определенных областях, чтобы обеспечить более гармоничное и устойчивое развитие и функционирование как на национальном, так и на международном уровнях. Самоограничение суверенитета представляет собой проявление зрелости государственной власти и ее способности к саморегуляции. В государствоведческом смысле это свидетельствует о переходе от примитивной модели суверенитета как абсолютной власти к сложной модели, основанной на балансе интересов государства, общества и личности

Такое самоограничение может способствовать поддержанию доверия населения к закону и действиям государства, улучшению условий для защиты конституционных прав человека, укреплению сильной суверенной государственности, одновременно сохраняя способность государства эффективно осуществлять свои ключевые функции и обеспечивать защиту национальных интересов. Подтверждением тому в современной российской действительности может служить изданный в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [16] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [15], несомненно направленный на укрепление и развитие отечественной суверенной государственности. В п. 5 Основ к традиционным ценностям, которые надлежит поддерживать, обеспечивать и передавать будущим поколениям отнесены в первую очередь жизнь, достоинство, права и свободы человека, гарантирование которых обеспечит благодатную почву для укрепления указанных в том же пункте патриотизма, гражданственности, служения Отечеству и ответственности за его судьбу, высоких нравственных идеалов, гуманизма, милосердия, справедливости, взаимопомощи и взаимоуважения, исторической памяти и преемственности поколений, а также единства народов России. Нормативное закрепление традиционных ценностей, включая права и свободы человека, свидетельствует о признании их системообразующей роли в укреплении суверенной государственности. В государствоведческом измерении это означает ориентацию государственной политики на воспроизводство ценностных оснований суверенитета.

Таким образом, в рамках современного государствоведения государственный суверенитет и конституционные права человека образуют единую систему, в которой права человека выступают не внешним ограничителем, а внутренним

содержанием суверенной государственной власти. Суверенитет проявляется как способность государства к самосохранению и самовоспроизводству, а конституционные права – как механизм обеспечения этой способности через легитимацию власти, формирование доверия и участие граждан в управлении. В этом заключается принципиальное значение рассматриваемой проблемы: устойчивость суверенного государства определяется не объемом его властных полномочий, а степенью их укорененности в системе прав и свобод человека.

Список литературы:

- [1] Bodin J. *Les six livres de la Republique*. Paris: LGF, 1993. 607 p.
- [2] Peters A. The Merits of Global Constitutionalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 16. Iss. 2. Pp. 397–411.
- [3] Priban J. *Sovereignty in Post-Sovereign Society. A Systems Theory of European Constitutionalism*. L., Routledge, 2015. 262 p.
- [4] Антонов М.В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2017. Т. 12, № 4. С. 35–57.
- [5] Варламова Н.В. Права человека и суверенитет // *Современное государство и личность в историческом и философско-правовом освещении. Материалы двенадцатых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца*. М.: Норма, 2018. С. 85–93.
- [6] Виноградова Е.В. Место государственного суверенитета в парадигме российской конституционной идентичности // *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. 2022. № 2(62). С. 14–17.
- [7] Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. М.: Соцэкгиз, 1936. 503 с.
- [8] Козлова Е.И., Кутафин О.Е. *Конституционное право Российской Федерации: Учебник*. М.: Юрист, 1995. 520 с.
- [9] *Конституционный статус гражданина*. Отв. ред. Б.Н. Топорнин М.: Наука, 1989. 205 с.
- [10] Локк Дж. *Избранные философские произведения*. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2. 532 с.
- [11] *Права человека и процессы глобализации современного мира*. / отв. ред. Е.А. Лукашева М.: Норма, 2007. 462 с.
- [12] *Права человека: учебник* / отв. ред. Е.А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 512 с.
- [13] Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре, или Принципы политического права* // *Трактаты*. М.: Соцэкгиз, 1938. 124 с.

[14] Тункин Г.И. *Теория международного права*. М.: Международные отношения, 1970. 510 с.

[15] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // *Собрание законодательства РФ*. 2022. N 46. Ст. 7977.

[16] Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2014. N 26 (часть I). Ст. 3378.

[17] Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. *Глобальные трансформации: Политика, экономика и культура*. М.: Праксис, 2004. 575 с.

[18] Эбзеев Б.С. *Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности*. М.: Норма, 2007. 384 с.

References:

- [1] Bodin J. *Les six livres de la Republique*. Paris: LGF, 1993. 607 p.
- [2] Peters A. The Merits of Global Constitutionalism // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2009. Vol. 16. Iss. 2. Pp. 397–411.
- [3] Priban J. *Sovereignty in Post-Sovereign Society. A Systems Theory of European Constitutionalism*. L., Routledge, 2015. 262 p.
- [4] Antonov M.V. *Methods of Theoretical Jurisprudence in the Context of Globalization* // *Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 12, No. 4. Pp. 35–57.
- [5] Varlamova N.V. *Human Rights and Sovereignty* // *The Modern State and the Individual in Historical and Philosophical-Legal Interpretation. Proceedings of the Twelfth Philosophical and Legal Readings in Memory of Academician V.S. Nersesyan*. Moscow: Norma, 2018. pp. 85–93.
- [6] Vinogradova E.V. *The Place of State Sovereignty in the Paradigm of Russian Constitutional Identity* // *Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2022. No. 2(62). pp. 14–17.
- [7] Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, Form and Power of the Ecclesiastical and Civil State*. Moscow: Sotsekgiz, 1936. 503 p.
- [8] Kozlova E.I., Kutafin O.E. *Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook*. Moscow: Jurist, 1995. 520 p.
- [9] *Constitutional Status of a Citizen*. Ed. B.N. Topornin, Moscow: Nauka, 1989. 205 p.
- [10] Locke, J. *Selected Philosophical Works*. Moscow: Sotsekgiz, 1960. Vol. 2. 532 p.

[11] Human Rights and the Processes of Globalization of the Modern World. / Ed. E.A. Lukasheva, Moscow: Norma, 2007. 462 p.

[12] Human Rights: Textbook. / Ed. E.A. Lukasheva. 3rd ed., revised. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 512 p.

[13] Rousseau, J.-J. On the Social Contract, or Principles of Political Law // Treatises. Moscow: Sotsekgiz, 1938. 124 p.

[14] Tunkin, G.I. Theory of International Law. Moscow: International Relations, 1970. 510 p.

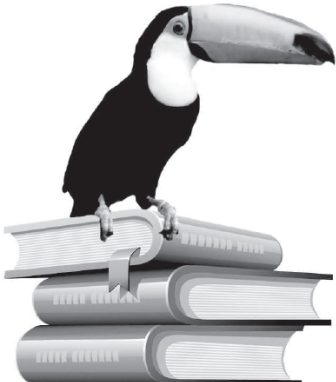
[15] Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the

Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46. Art. 7977.

[16] Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (Part I). Art. 3378.

[17] Held D, Goldblatt D., McGrew E., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics, and Culture. Moscow: Praxis, 2004. 575 p.

[18] Ebzееv B.S. Individual and State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duties. Moscow: Norma, 2007. 384 p.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru